

TAŤJANA ZAŇKO

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0346-9870>

Uniwersytet Masaryka, Brno

OLGA BERGER

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1799-7025>

Uniwersytet Masaryka, Brno

ВИЗУАЛЬНЫЙ И ВЕРБАЛЬНЫЙ ЮМОР КАК СРЕДСТВО МЕДИАКОММУНИКАЦИИ В РОССИЙСКО-ЧЕШСКОМ КОНТЕКСТЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ

VISUAL AND VERBAL HUMOR AS A MEANS OF MEDIA COMMUNICATION IN THE RUSSIAN-CZECH CONTEXT:
CONTEMPORARY INTERNET MEMES

Internet memes represent an important form of contemporary media communication, particularly in the context of international tensions and the transnational exchange of symbols. This study focuses on visual and verbal humor as a means of expressing cultural codes, political positions, and public sentiments in the Russian-Czech media context. The analysis draws on contemporary memes circulating on social media and examines how they construct images of Russia, the “West,” and the “Other,” as well as how memes function as a form of symbolic resistance, satire, and intercultural reflection.

Keywords: internet memes, visual humor, verbal humor, media communication, political discourse, Russian-Czech context, intercultural communication

ВВЕДЕНИЕ

Современное медиaprостранство представляет собой динамичное поле, в котором формируются, циркулируют и оспариваются культурные и политические представления. Одной из наиболее выразительных форм цифровой медиакommunikации последних десятилетий стал интернет-мем — лаконичное, визуальное насыщенное и многослойное сообщение, обладающее высокой интертекстуальностью и символической емкостью. Мемы выполняют не только развлекательную функцию, но и отражают обще-

ственные настроения, политические позиции, идентичностные маркеры и способы критической реакции на актуальные события. В условиях международной напряженности, связанной с российско-украинской войной, мемы становятся своеобразной ареной символического противостояния и одновременно инструментом интерпретации политической реальности в межкультурном пространстве.

Особый интерес в этом контексте представляет российско-чешское медиапространство. Оно формируется на пересечении общей постсоциалистической памяти, исторических травм и современных политических разногласий, обострившихся после аннексии Крыма (2014 г.) и начала российско-украинской войны (2022 г.). Россия в чешском публичном дискурсе выступает как «чувствительная тема», вызывающая спектр эмоций — от тревоги до иронического дистанцирования, что находит отражение как в официальных медиа, так и в интернет-мемах. Визуальный и вербальный юмор в мемах функционирует как средство выражения идеологических позиций, конструирования образов «своего» и «чужого», а также как форма символической солидарности или отторжения.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью осмысления визуального и вербального юмора в интернет-мемах как значимого канала медиакommunikации и как маркера культурных различий в условиях интеркультурного взаимодействия.

Цель статьи заключается в анализе способов реализации визуального и вербального юмора в интернет-мемах, циркулирующих в российско-чешском медиапространстве, а также в выявлении их роли как средства медиакommunikации, отражающего и формирующего образы России, СССР, «Запада» и «другого».

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- проанализировать визуальные и вербальные компоненты современных мемов, связанных с российско-чешскими отношениями;
- определить, какие образы, нарративы и символы используются для репрезентации «русского» и «чешского» в медиапространстве;
- выявить культурно обусловленные особенности юмора, сатиры и иронии в представленных мемах;

— обозначить роль мемов как средства выражения коллективной идентичности и медиальной реакции на политическую реальность.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В научном дискурсе интернет-мем утвердился как значимый объект медиакоммуникационных исследований. Первоначально термин *мем* (англ. *meme*, произносится [mi:m]) был введен Ричардом Докинзом¹ для обозначения единицы культурной информации, способной к репликации и эволюции по аналогии с геном. Хотя данное понятие изначально не относилось к цифровой среде, в начале XXI века оно было переосмыслено в контексте интернет-коммуникации и стало использоваться для обозначения специфического типа медиатекста, быстро распространяемого и варьированного в сети.

В области современных гуманитарных наук отсутствует строгое разграничение между терминами *мем* и *интернет-мем*: последний термин нередко используется в усеченном варианте в силу того, что мемы преимущественно функционируют в онлайн-среде. Как отмечает Максим А. Кронгауз, «интернет-мем» оказался популярнее своего научного источника (авторства Докинза) и фактически вытеснил его в массовом и академическом дискурсе².

Одно из наиболее влиятельных определений интернет-мема предложено Лимор Шифман, которая рассматривает его как группу цифровых элементов, обладающих общими характеристиками содержания, формы и позиции, распространяемых и трансформируемых множеством пользователей в интернет-среде. В этом определении акцентируются ключевые свойства мема: вариативность, интертекстуальность, пародийность и коллективное авторство³.

Исторически первые формы интернет-мемов восходят к демотиваторам — ироническим изображениям, пародирующим

¹ R. Dawkins, *The Selfish Gene*, Oxford University Press, Oxford 1976.

² М. А. Кронгауз, *Мемы в интернете: опыт деконструкции*, «Наука и жизнь» 2012, № 11, https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431893/Memy_v_internete_opyt_dekonstruktsii (11.11.2025).

³ L. Shifman, *Memes in Digital Culture*, MIT Press, Cambridge (MA) 2014.

визуальный стиль корпоративных мотивационных плакатов⁴. В дальнейшем понятие мема было расширено и стало включать различные формы цифрового контента: изображения, короткие видеоролики и иные мультимодальные форматы, основанные на сочетании визуальных и вербальных элементов, например, эмодзи и эмотиконы, которые выражают эмоции и создают значимые сообщения в цифровой среде с помощью символов и пиктограмм, выступая частью все более сложного языкового кода интернет-мемов⁵. Эмодзи и смайлы можно рассматривать как ранние формы визуальной коммуникации в цифровом пространстве, предвосхитившие развитие мемов как синтеза текста и изображения.

Интернет-мем не всегда является «вирусным» в строгом смысле слова: в отличие от биологического вируса, распространяющегося независимо от воли носителя, мем циркулирует сознательно, поскольку пользователь находит его смешным, уместным или социально значимым⁶. Мем сохраняет жизнеспособность до тех пор, пока остается актуальным и вызывает эмоциональный отклик, после чего либо исчезает, либо подвергается трансформации и переосмыслению (напр., распространенные в российском интернет-пространстве мемы «Карл», «Наташ, вставай», «Кто мы?»).

В условиях цифровой медиасреды мемы приобретают функцию иронического комментария и символического сопротивления. Как подчеркивает Герт Ловинк, интернет выступает в качестве пространства сетевого действия, где мемы становятся инструментом критического осмысления актуальных событий⁷. Современные исследования политических интернет-мемов рассматривают их как коммуникативно-культурный феномен, обладающий значительным интерпретативным и ценностным

⁴ Демотиваторы отличаются черной рамкой, ироничными подписями и сатирическим контекстом, служа пародией на классические мотиваторы и оказав значительное влияние на визуальную культуру мемов. Подробнее см. <https://despair.com/collections/demotivators?page=2> (11.11.2025).

⁵ P. Davison, *The Language of Internet Memes* // M. Mandiberg (ред.), *The Social Media Reader*, NYU Press, New York 2012, с. 120–134.

⁶ А. Г. Фомин, Ш. Р. Габитов, *Мем как вирус интернет-коммуникации*, «Язык и культура» 2023, № 61, с. 63–85.

⁷ Г. Ловинк, *Критическая теория интернета*, Ad Marginem Press, Москва 2019, <https://www.rulit.me/books/kriticheskaya-teoriya-interneta-read-8358261.html> (12.11.2025).

потенциалом в медиадискурсе⁸. В этом контексте мем функционирует как мультимодальный текст, в котором вербальные и визуальные элементы участвуют в актуализации смыслов и формировании оценочных рамок используя приемы гиперболизации, интертекстуальной цитаты, визуальной метафоры, иронии и постирони.

Чешский медиадискурс, в выявлении которого мы опираемся на исследования Екатерины Лапук, демонстрирует устойчивую репрезентацию России через призму угрозы и исторического насилия, а также бинарную оппозицию «Запад–Восток»⁹. Эти нарративы находят отражение и в мемах, которые могут как воспроизводить, так и пародировать доминирующие медиальные образы.

Современные исследования подчеркивают интеркультурное измерение интернет-мемов. Шифман указывает, что мемы, распространяясь в транснациональном медиапространстве, неизбежно подвергаются процессам локализации и переосмысления: одна и та же визуальная или вербальная форма может приобретать различные значения в зависимости от культурных кодов и социального контекста¹⁰. Аналогичный подход представлен в работах Лииси Лайнесте и Пирет Вулайд, которые рассматривают мемы как форму межкультурной коммуникации, функционирующую на пересечении глобальных шаблонов и локальных интерпретаций¹¹. В этом контексте значимы также подходы Эдварда Холла и Герта Хофстеде, указывающие на различия в восприятии юмора, иронии и сатиры в зависимости от культурных параметров, таких как контекстуальность коммуникации, дистанция власти или уровень индивидуализма¹².

⁸ А. В. Красавина, Л. К. Лободенко, И. Ю. Матвеева, *Политический интернет-мем как коммуникативно-культурный феномен*, «Гуманитарный вектор»-2023, т. 18, № 3, с. 78–89.

⁹ Е. В. Лапук, *Российско-чешские отношения на телевидении Чешской Республики*, «Вопросы теории и практики журналистики» 2022, т. 11, № 2, с. 372–389.

¹⁰ L. Shifman, *Memes in Digital Culture...*, с. 160–162.

¹¹ L. Laineste, P. Voolaid, *Laughing Across Borders: Intertextuality of internet Memes*, «The European Journal of Humour Research» 2016/2017, т. 4, № 4, с. 26–49.

¹² См. Е. Т. Hall, *Beyond Culture*, Anchor Books, New York 1976; G. H. Hofstede, *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*, Sage, Thousand Oaks 2001.

В настоящем исследовании интернет-мем рассматривается как комплексная мультимодальная единица, находящаяся на пересечении медиакоммуникации, политического дискурса и интеркультурного взаимодействия.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках настоящего исследования интернет-мем рассматривается как аудиовизуальный медиатекст, характеризующийся лаконичной формой и высокой плотностью смысла, сочетанием визуального и вербального компонентов, интертекстуальностью и прецедентностью, а также способностью к тиражированию, имитации и трансформации. Мем функционирует как средство отражения и комического осмысления социальной и политической реальности в цифровом медиапространстве.

Сбор эмпирического материала осуществлялся поэтапно. В качестве источников были использованы социальные сети *Facebook*, *Reddit* и *TikTok*, представляющие различные сегменты цифровой публичной коммуникации. На первом этапе поиск мемов в соцсетях проводился с использованием ключевых слов и тегов (*Россия*, *Чехия*, *мемы*, *Rusko*, *Česko*). В результате первичного мониторинга были выявлены тематические сообщества и группы, в которых релевантные мемы встречались наиболее регулярно. На следующем этапе в этих сообществах была проведена сплошная выборка, что позволило сформировать корпус из 30 мемов на русском и чешском языке.

Критериями включения материала в массив исследуемых единиц служили:

- наличие визуального и текстового компонента;
- соотнесенность мема с российско-чешским¹³ социокультурным и политическим контекстом;
- временная принадлежность к периоду 2017–2025 гг.

¹³ Использование термина *российско-чешский контекст* в данной статье обусловлено тем, что исследование направлено на выявление и анализ отражения российско-чешских реалий, отношений и культурной рефлексии в медиакоммуникации. Мемы на чешском языке создаются преимущественно чешскими пользователями и отражают их отношение к России, русской культуре, политике. Мемы на русском языке (создаваемые не только россиянами, но и русскоязычными пользователями из других стран) демонстрируют восприятие Чехии, ее культуры, социальных норм и политической позиции.

Уже на этапе формирования корпуса была зафиксирована диспропорция в представленности мемов: значительную часть выборки составляют чешские мемы (21 мем). Россия занимает более заметное место в чешском медиапространстве, чем Чехия в российском и русскоязычном. Это может быть объяснено тем, что в российском публичном дискурсе Чехия чаще воспринимается как часть обобщенного образа «коллективного Запада». Кроме того, мемы, посвященные России, в чешском сегменте интернета преимущественно циркулируют в политически ориентированных сообществах и чаще всего имеют форму изображения с текстовым сопровождением.

В русскоязычном медиапространстве мемы, непосредственно связанные с Чехией, встречаются значительно реже (9 мемов). При этом более широкое распространение получили мемы в видеоформате, как правило имеющие конкретного автора и циркулирующие в сообществах русскоязычных студентов, проживающих в Чехии. Поскольку анализ видеоконтента предполагает иные методологические подходы, видео-мемы¹⁴ в рамках настоящего исследования не рассматриваются. Объектом анализа являются мемы в формате изображения с текстовым сопровождением, что представляет собой одно из ограничений данного исследования.

Из 30 выявленных и проанализированных интернет-мемов в рамках настоящего исследования в статье подробно рассмотрены лишь пять мемов на чешском языке. Такое ограничение обусловлено, прежде всего, объемом журнальной публикации, который не позволяет рассмотреть весь собранный материал (главным образом, мемы в видеоформате) достаточно детально. Четыре первоначально обнаруженных мема оказались недоступны в тех социальных сетях и платформах, где они были зафиксированы, в связи с удалением постов, блокировкой аккаунтов или изменением настроек приватности. В этих условиях приоритет был отдан доступным мемам, обладающим наибольшей репрезентативностью для раскрытия ключевых аспектов исследования: визуальных и вербальных механизмов комического, прецедентности, интеркультурного измерения и функций в медиакommunikации.

¹⁴ Примеры видео-мемов, распространенных в русскоязычных студенческих сообществах в Чехии, см., напр.: TikTok-канал *prikoly_cz*, https://www.tiktok.com/@prikoly_cz (08.11.2025). Материал не анализируется в данной статье.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ РАМКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ

В данном разделе излагаются теоретические и интерпретационные рамки, которые служат основой для анализа интернет-мемов в российско-чешском медиальном пространстве. Цель раздела заключается не в описании мемов как универсального культурного феномена, а в выстраивании аналитического контекста, позволяющего интерпретировать их как форму медиакоммуникации, отражающую и одновременно формирующую общественные представления, оценки и эмоции.

Понятие медиакоммуникации и роль мемов в российско-чешском контексте

Медиакоммуникация в настоящем исследовании понимается как совокупность процессов производства, распространения и интерпретации медиальных сообщений в современном информационном обществе¹⁵. В отличие от традиционных форм межличностного общения, она характеризуется опосредованностью техническими средствами, массовым характером и высокой степенью институциональной и культурной обусловленности. Именно в этом пространстве формируются устойчивые медиальные образы, нарративы и интерпретационные рамки, влияющие на восприятие политической и социальной реальности.

Современное медиaprостранство носит многослойный характер: наряду с традиционными, институционально организованными каналами (телевидение, печатная пресса) активно функционируют цифровые платформы — социальные сети, блоги и мессенджеры. Интернет-мемы занимают в этой системе особое положение. С одной стороны, они заимствуют тематику и нарративные схемы, характерные для традиционных медиа (в частности, устойчивые образы политических актеров, модели «свой–чужой», элементы героизации или демонизации, выявленные, например, при анализе чешских телевизионных

¹⁵ См., напр., Е. В. Лапук, *Российско-чешские отношения на телевидении Чешской Республики...*, с. 372–389; М. McLuhan, *Understanding Media — The Extensions of Man*, McGraw-Hill, New York 1964, <https://archive.org/details/ETC0624> (08.10.2025).

новостных программ)¹⁶, с другой — существуют в децентрализованной среде пользовательского производства, где отсутствует единый источник авторитета и контроля.

Таким образом, мемы представляют собой гибридный тип медиального текста, находящийся на пересечении официального и неофициального дискурсов. Они объединяют элементы массовой культуры, политического комментария и народного творчества и могут рассматриваться как форма «быстрой журналистики снизу», оперативно реагирующей на актуальные события. В рамках данного исследования именно эта гибридная природа мемов позволяет рассматривать их в качестве индикатора медиальных и культурных различий, проявляющихся в российско-чешском контексте.

Россия как «чувствительная тема» в чешском медиaprостранстве

В чешском медиадискурсе Россия выступает как тема повышенной чувствительности, вызывающая устойчивые эмоциональные реакции и ценностные оценки. Это обусловлено, с одной стороны, исторической памятью о советской оккупации 1968 года и опытом коммунистического прошлого, а с другой — актуальной политической повесткой и необходимостью осмысления современных российско-чешских отношений.

Как показал анализ Лапук, в чешских новостных программах образ России формируется преимущественно вокруг трех тематических доминат: раздражения (шпионские скандалы, дезинформация, вмешательство во внутренние дела), интереса (энергетическая политика, культура, спорт) и тревоги (вопросы безопасности, милитаризация, ограничение гражданских свобод)¹⁷. Эти мотивы задают интерпретационные рамки, внутри которых воспринимаются медиальные сообщения о России.

Интернет-мемы не только воспроизводят, но и трансформируют их, усиливая эмоциональную составляющую медиального восприятия. Для чешской аудитории мемы о России часто выполняют функцию своеобразного «эмоционального клапана»: через юмор и иронию они позволяют дистанцироваться от травматического

¹⁶ Е. В. Лапук, *Российско-чешские отношения на телевидении Чешской Республики...*, с. 381.

¹⁷ Там же, с. 385–386.

исторического опыта, выразить критику и одновременно переработать чувство угрозы в социально приемлемую форму смеха. Эти особенности находят отражение в тематике, визуальных стратегиях и комических приемах рассматриваемых мемов, что будет продемонстрировано в аналитической части статьи.

Для русскоязычных сообществ в Чехии мемы, в свою очередь, становятся инструментом самоидентификации и символического сопротивления. Они позволяют высказывать политическую позицию, в том числе оппозиционную, и переводить сложные эмоциональные состояния — страх, ностальгию, чувство отчуждения — в язык карнавальной культуры. В этом смысле мемы не только отражают медиальную картину, но и активно участвуют в формировании российско-чешской медиакommunikации, циркулируя между официальными и неофициальными дискурсами, национальными и диаспорными сообществами, локальной и глобальной аудиторией.

Механизмы визуального и вербального юмора

Интернет-мемы представляют собой креолизованные медиатексты, в которых комический эффект формируется во взаимодействии визуального и вербального компонентов. Юмор возникает за счет несоответствия между изображением и текстом, игры смыслов, гиперболизации, неожиданного контраста, пародии и эффекта обманутого ожидания. Как отмечают Лимор Шифман и Райан Милнер, мемы реализуют механизмы критического и оценочного воздействия через юмор, сатиру и иронию, выступая в качестве опосредованной, «мягкой» формы общественно-го и политического комментария, снижающей порог вовлечения аудитории в дискурсивное осмысление актуальных событий¹⁸.

К основным визуальным приемам создания комического относятся гиперболизация и гротеск, карикатуризация, визуальные метафоры и аллегории (один объект заменяет другой), контраст между изображением и подписью, коллаж, а также использование узнаваемых мемных шаблонов¹⁹. Эти средства позволяют бы-

¹⁸ L. Shifman, *Memes in Digital Culture...*; R. M. Milner, *The World Made Meme: Public Conversations and Participatory Media*, MIT Press, Cambridge, MA 2016.

¹⁹ Ц. Дай, *Средства создания юмористического эффекта в интернет-мемах*, «Филология: научные исследования» 2025, № 2, с. 110–122, https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73319 (10.11.2025).

стро актуализировать определенные интерпретационные схемы и задействовать коллективную визуальную память адресата.

Вербальные приемы создания комического опираются прежде всего на языковую игру²⁰, включая каламбуры, трансформацию прецедентных высказываний, цитирование общеизвестных фраз и культурных текстов, код-свитчинг (переключение между языками), а также иронию и постиронию как способы дистанцированного осмысления реальности. Существенную роль играют аллюзии на политические и культурные прецеденты, активизирующие коллективную память адресата и обеспечивающие многоуровневую интерпретацию²¹.

Особенно продуктивным для создания комического эффекта является несовпадение визуального и вербального рядов, когда текст не поясняет изображение, а, наоборот, обнажает его абсурдность. Так, популярный мем о Петрове и Боширове («Отпуск в Британии был скукой, зато отпуск в Чехии — настоящая бомба») сочетает нейтральное изображение со «взрывной» метафорой, где каламбур («бомба») актуализирует тему взрыва во Врбетице (населенный пункт в Чехии) и одновременно иронически переосмысливает официальный нарратив. В дальнейшем именно такие механизмы рассматриваются как аналитические параметры при интерпретации эмпирического материала.

Прецедентность и культурная трансформация

В рамках теории прецедентности²² Юрия Н. Караулова, интернет-мем может быть рассмотрен как форма культурной цитаты, отсылающей к уже известным текстам, символам и образам. Интернет-мем функционирует в пространстве прецедентных феноменов, включающем литературные и кинематографические цитаты, политические лозунги, культурные архетипы и визуальные клише (например, советскую символику, фигуры Ленина,

²⁰ Более подробно о языковой игре см. В.З. Санников, *Русский язык в зеркале языковой игры*, Языки русской культуры, Москва 1999; Ю.О. Коновалова, *Языковая игра в современной русской разговорной речи*, Издательство ВГУЭС, Владивосток 2008.

²¹ С.В. Канашина, *Интернет-мем и юмор*, «Вопросы журналистики, педагогики и языкознания» 2022, т. 41, № 2, с. 317–328.

²² Ю.Н. Караулов, *Русский язык и языковая личность*, Наука, Москва 1987.

Путина и др.), а также сам мемный шаблон как узнаваемую форму воспроизводства смысла.

Современные мемы не только используют прецедентные тексты, но и сами постепенно приобретают прецедентный статус. Повторяемость вербальных и визуальных формул превращает мем в устойчивую культурную единицу, которая при этом сохраняет динамичность: она реагирует на новые события, трансформирует уже существующие смыслы и вступает в диалог с актуальным контекстом.

Интертекстуальность является одной из ключевых характеристик интернет-мема и одновременно важным источником его комического и культурного потенциала. В духе концепции Юлии Кристевой любой текст существует в постоянном диалоге с другими текстами²³, причем в цифровой среде этот диалог становится открытым и массовым. Интертекстуальные связи в мемах реализуются в форме узнаваемых цитат и ремиксов, пародий и переосмыслений, а также гибридизации культурных и языковых кодов.

В российско-чешском контексте интертекстуальность приобретает выраженное интеркультурное измерение: смысл мема формируется на пересечении двух культурных кодов. Один и тот же визуальный шаблон может интерпретироваться по-разному русскоязычной и чешской аудиториями. Мемы, циркулирующие в транснациональном пространстве, в этом случае выступают как своеобразные «тексты-посредники», осуществляющие не только пародирование медийных образов, но и их культурный перевод, что делает их особенно значимыми для анализа межкультурной медиакommunikации²⁴.

АНАЛИЗ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

В аналитической части исследования мы рассмотрим современные интернет-мемы, циркулирующие в российско-чешском медиапространстве в период с 2017 по 2025 год. Для детального анализа были выбраны 5 мемов.

²³ J. Kristeva, *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*, Columbia University Press, New York 1980.

²⁴ Е. В. Лапук, *Российско-чешские отношения на телевидении Чешской Республики...*, с. 376–389.

Для наглядности результаты анализа обобщаются в виде таблицы, включающей ряд параметров: тема, нарратив, визуальные и вербальные механизмы комического, прецедентность, интеркультурное измерение и функции в медиакommunikации.

Мем «Путин и Гитлер: „Дайте мне ...“»

Мем *Dejte mi*²⁵ / «Дайте мне...»

Данный мем представляет собой пример историко-политической сатиры, основанной на жестком визуально-вербальном сопоставлении двух фигур, обладающих высоким символическим капиталом, — Адольфа Гитлера и Владимира Путина. С точки зрения визуального юмора комический эффект формируется через принцип симметрии и намеренной иконической аналогии: портреты персонажей расположены зеркально, выполнены в сходной графической манере, а сходство дополнительно подчеркивается аналогичными жестами и мимикой. Такое композиционное решение не столько развлекает, сколько иронически конструирует историческую параллель, задавая рамку интер-

²⁵ <https://www.facebook.com/groups/942629125763586/posts/2547559-4255373732/> (12.12.2025).

претации, в которой актуализируется мотив повторяемости политического сценария.

В плане вербального юмора мем опирается на прием синтаксического параллелизма, воспроизводя идентичные по структуре высказывания: «Дайте мне Чехословакию — и я больше ни на кого не нападу» и «Дайте мне Украину — и я больше ни на кого не нападу». Юмор здесь носит преимущественно сатирический характер и возникает не из языковой игры, а из семантического контраста между формально миролюбивой риторикой и коллективным знанием о катастрофических последствиях подобных обещаний в истории. Таким образом, вербальный компонент функционирует как ироническое цитирование политического дискурса, разоблачающее его манипулятивную логику.

Интертекстуальная природа мема проявляется в его отсылке к Мюнхенскому соглашению 1938 года и одновременно соотношении с современной дипломатической риторикой. Комизм усиливается за счет прецедентности исторического знания, которое для чешской аудитории активизирует травматическую культурную память, связанную с утратой суверенитета. В этом контексте интернет-мем выполняет функцию символического предупреждения и формы сопротивления политике умиротворения агрессора.

В российском медиапространстве рецепция мема оказывается более амбивалентной: для оппозиционно настроенной части аудитории он служит инструментом иронической критики власти, тогда как в рамках официального дискурса может интерпретироваться как пример враждебной или провокационной репрезентации.

Тем самым мем функционирует как средство интеркультурной медиакоммуникации, в котором визуальный и вербальный юмор работают совместно, сталкивая два национальных кода — исторический опыт жертвы и дискурс оправдания агрессора. Мем выходит за рамки развлекательного жанра и выступает как инструмент медиального конструирования исторической аналогии, где юмор служит способом артикуляции политической позиции и коллективной памяти.

ВИЗУАЛЬНЫЙ И ВЕРБАЛЬНЫЙ ЮМОР...

Таблица 1. Анализ визуальных и вербальных механизмов мема
«Путин и Гитлер: „Дайте мне...“»

Компонент	Механизм/прием	Пример из мема	Эффект/функция
Визуальный	Фотоколлаж, иконическая симметрия, зеркальное расположение портретов, черно-белая гамма, минималистичная типографика	Портреты Путина и Гитлера, размещенные зеркально	Формирует визуальный юмор через ироническую историческую аналогию; актуализирует мотив повторяемости политического сценария
Вербальный	Синтаксический параллелизм, повтор фразы, контраст между декларацией и историческим знанием	«Дайте мне Чехословакию/Украину — и я больше ни на кого не нападу»	Создает сатирический эффект; разоблачает агрессивную риторику, маскируемую под миролюбие
Интер-текстуальность	Отсылка к прецедентному историческому событию (Мюнхенское соглашение 1938 г.), метафора «умиротворения агрессора»	Апелляция к опыту Чехословакии и его перенос на украинский контекст	Связывает прошлое и настоящее; активизирует коллективную историческую память
Интеркультурный контекст	Различие культурных кодов и медиальных рамок интерпретации	Чехия — травматический опыт утраты суверенитета; Россия — критика власти и официального дискурса	Обеспечивает полифоничность интерпретации и формирование мема в транснациональном медиaprостранстве

Мем «Разрушь дом, сруби дерево, убей чьего-нибудь сына»

Мем *Zboř dům, pokácej strom, zabij někomu syna*²⁶ /
«Разрушь дом, сруби дерево, убей чьего-нибудь сына»

Анализируемый мем представляет собой трансформацию широко известного изречения о задачах «настоящего мужчины»: построить дом, посадить дерево, вырастить сына. Инфинитивная конструкция исходной формулы заменяется формой повелительного наклонения, что уже на грамматическом уровне усиливает директивный характер высказывания. Вероятно, здесь также присутствует интертекстуальная отсылка к чехословацкому фильму 1979 года *Postav dům, zasad' strom* («Построй дом, посади дерево»), в названии которого уже используется императив.

В исходном культурном контексте данная формула функционирует как нормативная жизненная программа, символизирующая созидание, ответственность и продолжение рода. В интернет-меме эта формула подвергается радикальной смысловой инверсии: ключевые глаголы заменяются семантически противоположными — *вырастить* трансформируется в *убить*,

²⁶ https://www.facebook.com/groups/657647482211311/?multi_permalink=1451011362874915&hoisted_section_header_type=recently_seen&locale=cs_CZ (12.12.2025).

посадить — в *вырубить*, а *построить* — в *разрушить*. В плане вербального юмора комический эффект формируется за счет резкого контраста между узнаваемой позитивной формулой и ее деструктивной трансформацией, в результате чего традиционно положительный культурный архетип превращается в мрачную пародию.

Эмоциональное воздействие усиливается за счет использования повелительного наклонения: модальность долженствования приобретает характер жесткого и безальтернативного приказа. Тематически мем связан с войной, милитаризацией культуры и дегуманизацией человеческой жизни. Его нарратив демонстрирует, каким образом привычные культурные смыслы деформируются под воздействием агрессивной государственной идеологии. Модифицированное высказывание подается как «нормальный» набор действий для мужчины в путинской России, что подчеркивает трагический абсурд описываемой реальности.

Комизм мема носит характер черного юмора, в рамках которого ирония становится средством выражения протеста и экзистенциального ужаса перед войной. Вербальный юмор в данном случае реализуется через каламбур, подмену ключевых лексем и радикальную смысловую инверсию, что производит шокирующий эффект и заставляет адресата переосмыслить привычные культурные клише. Черный юмор выступает здесь как дискурсивный механизм критического осмысления насилия и смерти, характерный для медиатекстов в условиях конфликта.

С точки зрения визуального юмора мем построен по принципу контрастного несоответствия: используется относительно нейтральный, официально выглядящий портрет Владимира Путина, который визуально не содержит признаков иронии или экспрессии. Этот визуальный нейтралитет вступает в резкое противоречие с экстремальным по смыслу вербальным рядом. Темный фон изображения акцентирует внимание на фигуре политика, создавая атмосферу напряжения, а сочетание изображения и императивного текста приводит к эффекту приписывания высказывания изображенному субъекту.

В результате взаимодействия визуального и вербального компонентов императивное высказывание, отличающееся жесткостью и прямолинейностью, трансформируется в сознании интернет-пользователя в гротескную «цитату власти». Именно это

наложение визуального нейтралитета и вербального радикализма формирует комический эффект, основанный на черном юморе и гротеске.

Интертекстуальность мема основана на трансформации прецедентного текста: элементы традиционной ментальной модели «созидательной деятельности» превращаются в ее антитезу: *созидание* → *разрушение*, *жизнь* → *смерть*. В интеркультурном плане мем функционирует по-разному: в российском контексте он может интерпретироваться как критический комментарий к милитаризации общества и официальной пропаганде, тогда как в чешском медиапространстве он усиливает образ России как государства, в котором насилие институционализируется и нормализуется. Мем, таким образом, выполняет демаскирующую и протестную функцию, переводя государственную риторику в регистр гротескного визуально-вербального юмора.

Таблица 2. Анализ визуальных и вербальных механизмов мема
«Разрушь дом, сруби дерево, убей чьего-нибудь сына»

Компонент	Механизм/прием	Пример из мема	Эффект/функция
Визуальный	Минималистичное изображение, официальная визуальная эстетика, контраст	Относительно нейтральный портрет В. Путина на темном фоне	Контраст между визуальным нейтралитетом и радикальным вербальным рядом формирует эффект черного юмора и создает иллюзию приписывания высказывания изображенному субъекту
Вербальный	Семантическая инверсия, подмена ключевых лексем, черный юмор	«Разрушь дом, сруби дерево, убей чьего-нибудь сына»	Демонстрирует превращение созидательной культурной нормы в разрушительную и усиливает сатирико-критический эффект
Интер-текстуальность	Трансформация прецедентного высказывания	Модификация трехчастной «жизненной программы»	Создает резкий контраст между исходным культурным смыслом и его иронически переосмысленной версией

ВИЗУАЛЬНЫЙ И ВЕРБАЛЬНЫЙ ЮМОР...

Интеркультурный контекст	Различные режимы интерпретации	Россия — критика милитаризации; Чехия — подтверждение образа агрессии	Обеспечивает интерпретируемость мема в двух медиакультурных пространствах
--------------------------	--------------------------------	---	---

Мем «Петров и Боширов: отпуск в Чехии — настоящая бомба!»

Мем «Петров и Боширов: отпуск в Чехии — настоящая бомба»²⁷

Мем опирается на широко известный медиальный инцидент — взрывы складов боеприпасов в чешской деревне Врбетице (2014), ставшие в 2021 году причиной серьезного дипломатического кризиса между Россией и Чехией. Согласно официальной версии чешских властей, к взрывам были причастны сотрудники ГРУ Александр Петров и Руслан Боширов — те же лица, которые в 2018 году стали героями резонансного интервью телеканалу

²⁷ <https://www.vinegret.cz/637829/diplomaticeskii-skandal-porodil-buriu-shutok-v-cheshskikh-sotssetiakh-edkie-memy> (10.12.2025).

RT²⁸, в котором пытались объяснить свое пребывание в Солсбери туристической поездкой «с целью посмотреть на шпиль». Это интервью быстро приобрело меметический статус в международном медиапространстве, закрепив за Петровым и Бошировым образ неловких, но потенциально опасных «туристов».

Данный мем строится на ироническом сопоставлении двух эпизодов (отравление Скрипалей в Великобритании и взрывы во Врбетице), связанных с деятельностью одних и тех же фигур. В плане вербального юмора ключевым механизмом становится каламбур и семантическая многозначность: в тексте мема противопоставляются формулы «отпуск в Британии был скукой/тоской смертной» и «отпуск в Чехии — настоящая бомба!». Комический эффект возникает благодаря полисемии чешского слова *otrava* («отравление» и «скука/тоска смертная», «рутинная, однообразная деятельность»), а также метафорическому употреблению слова «бомба», которое одновременно обозначает яркое впечатление и отсылает к реальному взрыву. Таким образом, вербальный юмор здесь функционирует как инструмент иронического разоблачения официальных нарративов.

С точки зрения визуального юмора мем опирается на контраст между нейтральной, почти бытовой визуальной формой (кадр из интервью RT, где Петров и Боширов выглядят максимально «обыденными») и взрывным, политически нагруженным вербальным рядом. Этот разрыв между визуальной «нормальностью» и семантической опасностью текста создает типичный меметический эффект разоблачения: изображение, лишённое визуальной драматизации, вступает в конфликт с теми смыслами, которые оно приобретает в коллективном медиасознании.

Интертекстуальный компонент в данном меме является ключевым: он опирается как на конкретный медиатекст — интервью RT (2018), так и на устойчивый интернет-образ Петрова и Боширова как пародийных «героев» российского шпионажа. Тем самым мем соединяет два прецедентных текста: политико-медиаальный дискурс вокруг событий во Врбетице и глобальный меметический нарратив о «туристах из ГРУ». В российском медиапространстве данный образ сохраняет актуальность: кадры из интервью регулярно используются интернет-пользователями

²⁸ См. ссылку на интервью https://www.youtube.com/watch?v=2pbNKvm_vtY (08.12.2025).

для ироничного комментирования различных событий — от политических кризисов до стихийных бедствий.

Интеркультурный контекст мема носит двусторонний характер. Для чешской аудитории мем функционирует как инструмент сатирического дистанцирования от угрозы: трансформация травматического события (взрывы, шпионаж, дипломатический кризис) в объект юмора снижает напряжение и способствует символической переработке коллективной травмы. Для российской аудитории, прежде всего оппозиционно настроенной, мем выступает как форма постиронического комментария к абсурдности официальных объяснений и к общей непрозрачности деятельности силовых структур.

Функционально мем выполняет критическую, сатирическую и частично терапевтическую функции. Визуальный и вербальный юмор здесь действуют совместно: визуальный компонент задает эффект «обыденности», тогда как вербальный — разрушает его, переводя медийный образ российской разведки в регистр пародии и иронического разоблачения.

Таблица 3. Анализ визуальных и вербальных механизмов мема
«Петров и Боширов: отпуск в Чехии — настоящая бомба»

Компонент	Механизм/прием	Пример из мема	Эффект/функция
Визуальный	Кадр из интервью RT, нейтральная эстетика, отсутствие визуальной драматизации	Петров и Боширов сидят в студии, выглядят буднично	Контраст между визуальной обыденностью и политической значимостью контекста создает эффект визуального юмора и подчеркивает абсурд ситуации
Вербальный	Каламбур (<i>otrava</i> — «отравление» / «скука, тоска смертная»), метафора «бомба», ирония	«Отпуск в Британии был скукой, зато отпуск в Чехии — настоящая бомба!»	Формирует вербальный комизм за счет двойного прочтения и одновременно отсылает к двум резонансным политическим событиям

Интертекстуальность	Аллюзия на интервью RT (2018), медиа-репутация «туристов из ГРУ»	Использование изображения и риторических клише, закрепленных в глобальном мемообороте	Формирует устойчивый меметический контекст, в котором персонажи становятся объектами сатирической пародии
Интеркультурный контекст	Различные режимы интерпретации в Чехии и России	Чехия — саркастическое осмысление травматического опыта; Россия — постирония и критическое дистанцирование	Обеспечивает транснациональное функционирование мема при различной семантической нагрузке для каждой аудитории

Мем «Русский истребитель в эстонском воздушном пространстве»

Мем *Ruská stíhačka...*²⁹ / «Русский истребитель...»

Интернет-мем обыгрывает актуальный геополитический медийный сюжет — регулярные нарушения воздушного пространства стран Балтии российской военной авиацией — и сопоставляет

²⁹https://www.threads.com/@the_lukas_iv/post/DO8ZK-lCLZu/n%C4%9Bkomu-tam-vydr%C5%BE%C3%AD-12-minut-n%C4%9Bkomu-12-let%C4%8Das-%C5%99%C3%ADk%C3%A1-a-mi-ho-ztr%C3%A1c%C3%ADme-debatou-s-t%C4%9Bmi (10.11.2025).

его с внутренним чешским политическим контекстом. Структурно изображение делится на две части: в верхней демонстрируется «настоящий» российский истребитель, вошедший в воздушное пространство Эстонии; в нижней — лидер Коммунистической партии Чехии (KSČM) Катержина Конечна, которая представлена как «истребитель» в метафорическом смысле. За счет такой параллельной композиции создается эффект комического сопоставления, основанный на окказиональной многозначности слова *истребитель* (чеш. *stíhačka*), которое в чешском языке обозначает боевой самолет, а в данном случае используется в переносном значении для обозначения человека, «уничтожающего» политическую или общественную стабильность.

С точки зрения визуального и вербального юмора данный мем строится на комическом переносе военного термина в сферу внутренней политики: визуальный образ истребителя активирует ассоциации с реальной военной угрозой, тогда как вербальная метафора превращает политического актера в объект сатиры. Комизм возникает прежде всего благодаря языковой игре со значениями многозначного слова и контрасту двух несопоставимых реалий: военного конфликта и внутренней чешской партийной политики. Верхняя часть мема апеллирует к медийно узнаваемой ситуации — пролетам российских самолетов над странами НАТО, которые воспринимаются как демонстрация силы или провокация. В нижней части военный термин метафорически применяется к Катержине Конечной, связанной в общественном восприятии с коммунистическим прошлым и пророссийской позицией. Таким образом, в меме проводится явная аналогия между физической угрозой (военный самолет) и идеологической угрозой, конструируемой средствами языковой метафоры и политической интерпретации, символически приписываемой лидеру компартии.

Интертекстуальность мема связана как с актуальными геополитическими событиями, так и с историческим наследием восточного блока. В меме используется визуальный код советской военной авиации (истребитель как символ российской силы), но переосмысливается в ироническом ключе через сопоставление с образом чешского политика, чья партия рассматривается многими как реликт советского влияния. Эта параллель активизирует коллективную память о советском доминировании в странах Центральной Европы и одновременно высмеивает его сегодняшнее политическое «эхо».

Интеркультурный контекст мема требует определенной фоновой осведомленности: российская аудитория может интерпретировать его как критический комментарий по поводу роли коммунистических партий в постсоветском пространстве, тогда как чешская аудитория — как сатиру на собственную внутреннюю политику и ее связь с СССР/Россией. Мем функционирует на границе двух кодов: для чехов — это ирония над прошлым и над тем, что «истребителем» в переносном смысле становится представитель старой идеологии; для русскоязычных — узнаваемая игра с пропагандистским военным дискурсом.

Функционально мем выполняет критическую и аналитическую роль, позволяя через юмор осмыслить как международные отношения, так и внутренние политические процессы. Вербальный и визуальный компоненты мема — через окказиональную многозначность, метафору и структурное сопоставление — превращают его в инструмент политического комментария, в площадку для рефлексии об угрозах, исходящих не только от военной силы, но и от идеологического наследия.

Таблица 4. Анализ визуальных и вербальных механизмов мема
«Русский истребитель...»

Компонент	Механизм/прием	Пример из мема	Эффект/функция
Визуальный	Параллельная композиция (двухчастная структура), сопоставление военного объекта и политического портрета	Верхняя часть — российский истребитель; нижняя — лидер KSČM	Визуальный контраст формирует комический эффект за счет намеренного уравнивания несопоставимых объектов и подчеркивает ироничность метафорического сопоставления
Вербальный	Окказиональная многозначность слова <i>истребитель</i> , метафорический перенос, ирония	«В Эстонии пролетел русский истребитель... в Чехии функцию истребителя выполняет...»	Языковая игра создает сатирическую двусмысленность и выполняет функцию политической иронии

ВИЗУАЛЬНЫЙ И ВЕРБАЛЬНЫЙ ЮМОР...

Интер- текстуальность	Аллюзия на геополитические инциденты, обращение к советскому/российскому военному символизму, отсылка к чешской партийной политике	Пролеты российских самолетов над странами Балтии; роль KSČM в чешском дискурсе	Активирует исторические и политические ассоциации в юмористическом ключе через поликодовое сопоставление
Интер- культурный контекст	Требует знания чешской политической сцены и геополитической ситуации	Чешская аудитория — внутренняя политическая сатира; русская — ироническая деконструкция военного дискурса	Обеспечивает транснациональное функционирование мема при различной семантической нагрузке

Мем «Да ну, врешь, Винсент, такой страны не существует...»

"O České republice jsi slyšel? Tam ve volbách kandiduje Slovák, Japonec a Turek, všichni tři za ruské zájmy. A víš jak tomu říkají? Vlastenectví!"

"Kecáš Vinci, taková země není.."

Мем «Да ну, врешь, Винсент, такой страны не существует...»³⁰

³⁰ <https://www.facebook.com/groups/942629125763586/posts/25431477-156452109/> (10.11.2025).

Интернет-мем, основанный на культовой сцене фильма Квентина Тарантино *Pulp Fiction*/«Криминальное чтиво» (1994), является примером транснационального визуального шаблона, локализованного под чешский политический контекст. Мем отсылает нас к диалогу между персонажами Винсентом Вегой (Джон Траволта) и Джулсом Виннфилдом (Сэмюэл Л. Джексон), который в оригинале связан с бытовой беседой, но в меметической культуре давно превратился в универсальную форму выражения скепсиса и недоверия. В чешской версии шаблон используется для критического комментирования внутренней политики и восприятия «русских интересов» в Чехии.

Вербальная составляющая мема создает нарратив политического абсурда: Чехия представляется страной, где «за русские интересы» выступают политики разных национальностей — словак (Андрей Бабиш), «японец» (Томио Окамура) и «турок» (Филип Турек). Такое перечисление образует оксюморон, подчеркивающий несоответствие между предполагаемым «патриотизмом» и реальной политической практикой. Комический эффект создается благодаря сочетанию противоречий: «защита национальных интересов» и поддержка внешнего влияния. Последняя фраза — *Kecáš, Vinci, taková země není* (Да ну, врешь, Винсент, такой страны не существует) — усиливает комический эффект, переводя политическую проблему в плоскость абсурдного разговорного скепсиса.

Комизм мема строится на нескольких уровнях. Во-первых, на абсурдизации: перечисление этнически разнородных политиков, объединенных «российской ориентацией», демонстрирует фрустрацию общества в отношении того, как слово «патриотизм» используется в политическом дискурсе. Во-вторых, на языковой игре: Андрей Бабиш действительно словак (*Slovák*), Томио Окамура на половину японец (*Japonec*), а Филипп Турек — чех, но его фамилия совпадает с названием национальности (*Turek*), в данном случае языковая игра поддерживается и графически: в чешском языке как фамилии, так и названия национальностей пишутся с заглавной буквы. В-третьих, на стилистических особенностях чешского текста, где разговорность (*kecáš* — рус. «заливаешь», «да ну, врешь») снижает пафос и придает высказыванию интонацию бытовой иронии, что делает политическую критику более доступной массовой аудитории.

Интертекстуальность проявляется главным образом в визуальном компоненте данного мема. Это отсылка к широко узнаваемой сцене фильма, в которой герой Сэмюэла Л. Джексона слушает героя Джона Траволты с ироническим скепсисом и недоверием. Использование данной сцены из *Pulp Fiction* позволяет мгновенно активировать глобальные культурные коды, в то время как локализация текста создает интеркультурный диалог между американской массовой культурой и чешскими политическими реалиями. Происходит типичное для мемов смешение уровней: «универсальный» визуальный шаблон приобретает специфическое национальное содержание, благодаря чему мем становится одновременно глобальным и локальным. Интертекстуальность проявляется и в прямых аллюзиях на чешскую политическую идентичность: политическое поле Чехии здесь предстает как пространство конкурирующих влияний, где само понятие «патриотизм» подвергается ироническому пересмотру.

Интеркультурный контекст делает мем особенно показательным для российско-чешской медиакоммуникации. Чешская аудитория считывает его как комментарий к внутренним политическим процессам и к обсуждению предполагаемого «российского влияния», тогда как внешняя аудитория без знания локальных реалий не может полностью декодировать его политическую семантику. Это подтверждает тезис Шифман о том, что мемы обладают высокой степенью локализации, но сохраняют потенциал для глобального узнавания за счет универсального визуального шаблона. Таким образом, мем функционирует как элемент культурного перевода, в рамках которого глобальная форма становится проводником национальных смыслов.

Функционально мем выполняет сразу несколько медиакоммуникативных ролей. Во-первых, сатирическую — он высмеивает использование «патриотической» риторики в популистских целях и демонстрирует противоречия чешской политической сцены. Во-вторых, терапевтическую — через юмор он помогает аудитории снизить тревожность и артикулировать коллективное недоверие к политическим механизмам. В-третьих, идентификационную — он создает пространство для формирования коллективного «мы», дистанцированного от официального дискурса. Наконец, мем выполняет интерпретативную функцию, позволяя аудитории переосмысливать политическую реальность через призму культурных кодов, иронии и интертекстуальности.

Таблица 5. Анализ визуальных и вербальных механизмов мема

«Да ну, врешь, Винсент...»

Компонент	Механизм/прием	Пример из мема	Эффект/функция
Визуальный	Использование глобального визуального шаблона (<i>Pulp Fiction</i>), контраст между серьезной сценой и ироничным текстом	Кадр с героями Джона Траволты и Сэмюэла Л. Джексона	Создает эффект узнаваемости и усиливает сатирическое прочтение
Вербальный	Оксюморон («русские интересы» + «патриотизм»), разговорный регистр, ирония	«všichni tři za ruské zájmy» / «tak tomu říkají vlastenectví»	Демонстрирует ироническую деконструкцию политического патриотизма
Интертекстуальность	Ремикс визуального шаблона <i>Pulp Fiction</i> , локализация под чешскую политическую повестку	Сопоставление американской массовой культуры с чешским политическим контекстом	Обеспечивает мгновенную узнаваемость и запускает культурный диалог
Интеркультурный контекст	Локализация глобального мема, необходимость знания чешских политических реалий	Политики: Babiš (словак), Okamura (политик японско-чешского происхождения), Turek (чех)	Создает специфический национальный смысл, ограниченно декодируемый вне локального контекста

* * *

Большинство не рассмотренных в статье чешских мемов также связано с темой нападения России на Украину, фигурой Владимира Путина и рефлексией действий чешского правительства по отношению к России. Кроме того, представлены мемы с темой «Краловец» (Královec). Это сатирическая концепция «аннексии» Калининградской области Чехией в ответ на российские «референдумы». Эти мемы характеризуются преимущественно

политическим сарказмом и троллингом.

Мемы из русскоязычного сегмента, в свою очередь, не были детально проанализированы в статье, в них доминируют иные темы: прежде всего шутки о «ложных друзьях переводчика», а также бытовой юмор и элементы стендапа об адаптации мигрантов в Чехии. Такие мемы носят преимущественно легкий, самоироничный и неполитический характер, что делает их менее релевантными для глубокого раскрытия интеркультурных и прецедентных механизмов в выбранном аналитическом фокусе исследования.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ интернет-мемов в российско-чешском медиапространстве показывает, что визуальный и вербальный юмор выступает не второстепенным выразительным средством, а центральным механизмом медиакommunikации. Именно через юмор мемы осуществляют интерпретацию политических событий, выражение коллективных эмоций и культурный перевод между различными национальными и языковыми контекстами.

Во всех рассмотренных мемах комический эффект формируется на основе механизмов интертекстуальности и прецедентности, при которых узнаваемые культурные, исторические и медиальные образы подвергаются иронической или сатирической трансформации. Юмористическое воздействие возникает за счет контраста между исходным значением прецедентного текста и его актуализированным, контекстуально переосмысленным прочтением, что позволяет мемам функционировать в качестве инструментов критического медиакомментария.

Анализ показал, что интернет-мемы представляют собой полифонические медиатексты, в которых визуальные и вербальные компоненты взаимодействуют не симметрично, а функционально дифференцированно. В ряде случаев ведущую роль играет визуальный компонент, задающий эмоциональную рамку и направление интерпретации, тогда как вербальный компонент уточняет, радикализирует или иронически смещает смысл. В других случаях, напротив, именно вербальный уровень активизирует прецедентный потенциал изображения и формирует ключевой комический эффект. Такое распределение смысловой

нагрузки подтверждает, что визуальный и вербальный юмор в мемах функционируют как взаимодополняющие механизмы медиакommunikации.

Визуальный юмор в проанализированных мемах реализуется прежде всего через гиперболизацию, карикатуризацию, визуальную метафору и контраст образов, а также через использование узнаваемых визуальных шаблонов и прецедентных изображений. Он обеспечивает мгновенную распознаваемость мема, снижает когнитивный порог восприятия и активирует коллективную память адресата. В ряде случаев именно визуальный компонент задает интерпретационную рамку, в которую затем «встраивается» вербальный смысл.

Вербальный юмор, в свою очередь, опирается на языковую игру, семантическую инверсию, каламбуры, аллюзии и трансформацию прецедентных высказываний. Он уточняет и радикализирует смысл, заложенный визуально, и позволяет переводить сложные политические и исторические темы в регистр иронии, сатиры или черного юмора. Особенно значимыми оказываются случаи несоответствия визуального и вербального рядов, когда текст не поясняет изображение, а намеренно усиливает его абсурдность и критический потенциал.

В российско-чешском контексте визуально-вербальный юмор мемов приобретает интеркультурное измерение. Одни и те же комические приемы по-разному интерпретируются в зависимости от исторического опыта, политической чувствительности и медиального контекста аудитории. Для чешской аудитории мемы о России часто выполняют функцию дистанцирования от травматического прошлого и актуальной угрозы, тогда как для русскоязычных сообществ они становятся формой самоидентификации, символического сопротивления и альтернативного политического высказывания.

Таким образом, интернет-мемы можно рассматривать как гибридные медиатексты, в которых визуальный и вербальный юмор функционируют как эффективные инструменты медиакommunikации, позволяющие объединять информационную, оценочную и эмоциональную составляющие сообщения. Юмор в данном случае не ослабляет серьезность обсуждаемых тем, а напротив, делает возможным их коллективное осмысление в условиях фрагментированного и конфликтного медиального пространства.

REFERENCES

- Davison, Patrick. "The Language of Internet Memes." *The Social Media Reader*. M. Mandiberg, Michael (ed.). New York: NYU Press, 2012: 120–134.
- Dawkins, Richard. *The Selfish Gene*. London: Oxford University Press, 1976.
- Eco, Umberto. *The Open Work*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989.
- Hall, Edward Twitchell. *Beyond Culture*. New York: Anchor Books, 1976.
- Hofstede, Geert. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*. Thousand Oaks: Sage, 2001.
- Kristeva, Julia. *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*. New York: Columbia University Press, 1980.
- Laineste, Liisi, Voolaid, Piret. "Laughing Across Borders: Intertextuality of Internet Memes." *The European Journal of Humour Research*, 2016/2017, vol. 4, no. 4: 26–49. DOI: 10.7592/EJHR2016.4.4.laineste.
- McLuhan, Marshall. *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: McGraw-Hill, 1964, <<https://archive.org/details/ETC0624>>
- Milner, Ryan M. *The World Made Meme: Public Conversations and Participatory Media*. Cambridge, MA: MIT Press, 2016.
- Shifman, Limor. *Memes in Digital Culture*. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.
- Дай, Цзини. "Средства создания юмористического эффекта в интернет-мемах." *Филология: научные исследования*, 2025, no. 2: 110–122. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.73319.
- Канашина, Светлана Валериевна. "Интернет-мем и юмор." *Вопросы журналистики, педагогики и языкознания*, 2022, vol. 41, no. 2: 317–328.
- Караулов, Юрий Николаевич. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Наука, 1987.
- Коновалова, Юлия Олеговна. *Языковая игра в современной русской разговорной речи*. Владивосток: Издательство ВГУЭС, 2008.
- Красавина, Анна Викторовна, Лободенко, Лидия Камиловна, Матвеева, Ирина Юрьевна. "Политический интернет-мем как коммуникативно-культурный феномен современного медиапространства." *Гуманитарный вектор*, 2023, vol. 18, no. 3: 78–89, DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-78-89.
- Кронгауз, Максим Анисимович. "Мемы в интернете: опыт деконструкции." *Наука и жизнь*, 2012, no. 11, <https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431893/Memy_v_internete_opyt_dekonstruktsii>.
- Лапук, Екатерина Вячеславовна. "Российско-чешские отношения на телевидении Чешской Республики." *Вопросы теории и практики журналистики*, 2022, vol. 11, no. 2: 372–389.
- Ловинк, Герт. *Критическая теория интернета*. Пер. Лебедев, Дмитрий, Торкановский, Павел. Москва: Ad Marginem Press, 2019.
- Санников, Владимир Зиновьевич. *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва: Языки русской культуры, 1999.
- Фомин, Андрей Геннадьевич, Габитов, Шамиль Рафикович. "Мем как вирус интернет-коммуникации." *Язык и культура*, 2023, vol. 61: 63–85.